

ИСТОРИЯ

ALEKSEENKO, OLGA I. – Ph.D. in History, Associate Professor, Krasnodar branch of the Russian economic university it. G.V. Plekhanova.

УДК 930(470).089«20»:328.162«197/198»

АБРАКОВА Т.А.

СОВРЕМЕННАЯ РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ О НЕКОТОРЫХ ПРИЧИНАХ КРИЗИСА СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА В 1970-х-1980-х ГОДАХ XX ВЕКА

Ключевые слова: историография, советское общество, кризис коммунистической идеологии, номенклатура, социальный протест, письма во власть.

В статье представлена современная историография советской эпохи 70–80-х годов XX века. На основе анализа исследований ряда ведущих российских историков выделены некоторые причины кризиса периода брежневской стабильности: рост числа номенклатурных работников, развитие социального неравенства, упадок коммунистической идеологии; все они способствовали появлению разнообразных протестных настроений советских граждан. Автор отмечает, что установка на реализацию в обществе ценностей социализма через добровольный труд, опирающийся на искренний энтузиазм масс, к началу 70-х годов частично утрачивает популярность, что, в свою очередь, лишило всенародной поддержки государственную политику и господствовавшую идеологию. Советские люди стали ориентироваться на создание комфортной частной жизни, «оглядываться» на стандарты Запада.

ABRAKOVA, T.A.

MODERN RUSSIAN HISTORIOGRAPHY

ON SOME REASONS OF SOVIET SOCIETY CRISIS IN 1970'S-1980'S OF XX CENTURY

Keywords: historiography, soviet society, crisis of communist ideology, nomenclature, social protest, letters to the government.

In the article presented the modern historiography of soviet era of 1970's–1980's of XX century. Based on analysis of researches of numbers of leading Russian historians it highlighted some reasons of crisis of period Brezhnev's stability: growth of the number of nomenclature workers, development of social inequality, decline of communist ideology, all of these contributed to appearance of different protests within soviet citizens. The author notes that the orientation towards the realization of the values of socialism in society through voluntary labor, based on the sincere enthusiasm of the masses, by the beginning of the 70s partially loses its popularity, which, in turn, deprived the nationwide support of state policy and the dominant ideology. Soviet people began to focus on creating a comfortable private life, "looking back" at the standards of the West.

Период «брежневской стабильности», «социализма по-советски» традиционно интересует широкую общественность и научное сообщество. К настоящему времени историография периода 1964-1982 годов разнообразна, в ней имеется несколько подходов, изменявшихся с течением времени.

Так, в исследованиях перестройки господствовало представление, что 60–80-е годы XX века – период только исключительного государственного всевластия и отсутствия в СССР правового общества. Эта точка зрения тиражировалась и популяризировалась публицистическими изданиями. Формирование научной историографии с более взвешенными оценками начинается с середины 90-х годов XX века. Именно в это время находит дальнейшее развитие подход к изучению истории СССР через комплексный анализ взаимоотношений власти и общества.

Одной из первых попыток всестороннего исследования эпохи «развитого социализма» стала книга коллектива авторов под общей редакцией В.В. Журавлева «На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе» [1]. Советское общество 1964-1982 гг. в ней рассматривалось в рамках комплексного анализа его политического, социально-экономического, духовного состояния. Данный подход к изучению различных исторических этапов становится одним из ведущих в XXI веке. Используя его, учёные получают более полную картину развития страны. В связи с этим, целью статьи определено изучение части российской историографии, касающейся советского общества 70-х – начала 80-х годов XX века; выявление на её основе социальных причин кризисных явлений, которые в период перестройки будут только усиливаться и приведут к разрушению государственной системы в СССР. Опираясь на исследования современных российских историков, проанализируем более подробно особенности эволюции отечественной историографии.

А.В. Шубин в монографии «Золотая осень, или Период застоя. СССР в 1975-1985 гг.» [2] предложил объективно рассматривать указанный исторический интервал, в частности, отмечая: «СССР не был раем на земле, но не был он и адом. Здесь не было социализма, но было социальное государство» [2, с. 35]. Он отметил крайности, присутствующие в исследованиях

предшественников. Так, с одной стороны, общество позднесоветского времени рассматривалось ими как комплекс множества социальных болезней, с другой – как процветающее, о котором наши современники могут лишь мечтать. Исследователь считает, что такие суждения – лишь частичная правда. По его мнению, главная черта государства тех лет – ориентированность на обеспечение потребностей трудящихся через перераспределение доходов от продажи нефтегазовых ресурсов. Причина кризиса состояли не в тоталитарном характере режима, а в динамике развития общества, в котором нарастала необходимость перехода к более высокому уровню жизни, ослаблении его связи с властью, которая не могла в полной мере ответить на этот запрос населения. Исследователь охарактеризовал советское общество 70–80-х годов XX века как живое, наполненное многообразными стремлениями, мнениями граждан [2, с. 63]. Данный подход фактически отвергал установку, содержащуюся в части научных монографий периода перестройки, – о безыдейности и полной социальной апатии общества «развитого социализма».

В.А. Шестаков с А. Безбородовым и В. Елисеевой в монографии «Советский Союз к 1984 г.» [3, с. 5-55] также исследуют социальную историю 80-х годов, более подробно анализируют причины появления застойных явлений в обществе, которые ранее были обозначены А.В. Шубиным. Важнейшими из них они считают следующие. Во-первых, как и предыдущий исследователь, они подчёркивают, что к середине 70-х годов развитие советской экономики замедлилось. Это снизило степень роста благосостояния советских граждан, которые в те годы были ориентированы уже на западные образцы потребления [3, с. 43]. Во-вторых, у городских и сельских жителей были разные возможности для получения материальных благ – комфортного жилья, достойного продовольственного обеспечения, доступного высококачественного здравоохранения и образования [3, с. 44-46].

Упомянутые выше противоречия появились в период руководства СССР Н.С. Хрущевым, социальная политика которого в большей степени затрагивала городских жителей и их интересы: улучшение жилищных условий, увеличение доходов и пр. В свою очередь это привело к увеличению спроса на различные группы товаров – бытовую технику, мебель, посуду, разнообразную одежду, обувь и т.д. Однако объём их производства советской промышленностью, ассортимент и качество отставали или не соответствовали запросам покупателей. Так к середине 60-х годов обозначилась проблема, усилившаяся в 70-х – начале 80-х годов – дефицит продуктов питания, промышленных товаров, бытовых услуг. Она углублялась существенной разницей в снабжении крупных промышленных городов и сельской местности, проявлявшейся в частной жизни граждан в виде повсеместных очередей. В исследовании А.К. Соколова и А.М. Маркевича «Магнитка близ Садового кольца» обращается внимание на то, что именно эти обстоятельства способствовали отдалению общества от политической жизни и коммунистической идеологии [4, с. 343].

В статье «Кризис идеологии и советское общество в 1970–1980-х гг.» [5, с. 374-382] С.И. Никонова предлагает анализ сложившегося массового сознания тех лет. Она приходит к выводу, что новый постулат, предложенный ЦК КПСС обществу, – построение развитого «зрелого» социализма, который нуждается лишь в «совершенствовании», не получил у трудящихся искреннего отклика и понимания. Причина, по её мнению, состояла в том, что именно в это десятилетие государственные идеологические установки полностью утратили связь с реальной повседневной жизнью большинства советских граждан [5, с. 375]. Одобрение их было лишь механическим ритуалом, формальной данью исторической традиции, но не истинными мыслями и убеждениями трудящихся [5, с. 377]. По её мнению, к концу 70-х годов старые догмы марксизма-ленинизма, основанные на традициях революционной агитации и пропаганды, уже не действовали на сознание образованных советских людей. На основе данных рассуждений она приходит к выводу, что в новых условиях государственная идеология должна была измениться: стать более «содержательной, подходящей под возросшие требования масс» [5, с. 380]. Так она обозначила еще одну проблему периода 70-х – начала 80-х годов – идейный кризис власти. Преодолеть его можно было через отказ от общего теоретизирования о советском обществе, через переход к объективному анализу достижений и недостатков, к выработке необходимых практических действий для дальнейшего развития. Однако назревшие изменения не были произведены, что привело к последующей консервации государственной идеологии.

ИСТОРИЯ

Э.Б. Ершова расширяет суждения С.И. Никоновой, обозначая дополнительную причину идейного кризиса 70–80-х годов – полное исчерпание ресурса энтузиазма, вдохновляющего массы на передовой труд. Она отмечает, что последними его всплесками были освоение целины, строительство Байкало-Амурской магистрали. В дальнейшем уже не было возможности «поддерживать в обществе слепую веру в внеисторический идеал, осуществление которого постоянно отодвигалось в отдалённое будущее» [6, с. 61]. Она делает вывод, что энтузиазм трудящихся мог проявляться в каких-либо формах и в дальнейшем, но лишь со зримыми его итогами, например, с ростом оплаты труда, значительным повышением уровня жизни и пр. Однако такого не могло произойти в действительности тех лет: «для подавляющей части населения экономика обеспечивала лишь самый невысокий по западным стандартам уровень потребления» [3, с. 43].

Некоторый рост благосостояния общества, произошедший благодаря нефтедолларам, также способствовал упрочению кризисных явлений. Идея построения коммунизма уже противоречила реальным стремлениям советского человека. А.М. Доценко, анализируя повседневную жизнь на материалах города Куйбышева и Куйбышевской области (в настоящее время – город Самара и Самарская область), выделяет некоторые характерные черты массового сознания 70-х – начала 80-х годов. Оно, в значительной мере, акцентировалось на желании трудящихся иметь в своем распоряжении комфортную отдельную квартиру с хорошей мебелью и бытовой техникой, автомобиль; обладать высоким образовательным и культурным уровнем горожан и жителей областных центров. При этом отмечалось равнодушие к политической жизни значительной части населения [7, с. 24].

В монографии «Постсталинское общество: проблема лидерства и трансформации власти» [8] Ю.В. Аксютин и А.В. Пыжиков обращают внимание на те же проблемы, что и С.И. Никонова, Э.Б. Ершова, А.М. Доценко, но рассматривают их более конкретно, делая акцент на молодежь и степень влияния на неё советской и западной идеологии. Они расширяют выводы, сделанные вышеупомянутыми исследователями, указывая, что кризис государственной идеологии в значительной степени затронул городскую молодежь, которую также не привлекала мысль о броске к коммунизму на основе прежних ценностей – беззаветного энтузиазма и физического труда. Гораздо важнее для неё была западная культура. Идеологами КПСС это обстоятельство объяснялось традиционно, прежде всего, исключительной живучестью «пережитков» прошлого, что в 70–80-е годы было уже ошибочным утверждением [8, с. 232].

В упомянутом выше исследовании «Магнитка близ Садового кольца» А.К. Соколов и А.М. Маркевич приводят множество фактов того, что заводскую молодежь конца 70-х годов интересовали уже не социалистические идеалы, а «карьера, отдых, вещи; удовлетворение каждодневных потребностей, склонность к масскультуре, посещение ресторанов, баров, кафе, дискотек, туризм, а иногда и просто бесцельное времяпровождение» [4, с. 344].

Наряду с этим, Р.Г. Пихоя, совместно с А.К. Соколовым, в книге «История современной России: кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России» [9, с. 72] обобщают вышеприведённые размышления, особо отмечая при этом, что успехи в производственной деятельности для большинства граждан уже не были привлекательными, что выражалось в понижении производительности труда, прогулах, опозданиях.

Таким образом, целый ряд историков видят важнейшую причину развития застойных явлений в середине 70-х – начала 80-х годов XX века в глубоком кризисе общественной идеологии.

Усилению идейного кризиса способствовали бюрократизация центрального и местного партийного руководства, негласно развивавшееся в обществе социальное неравенство. Оно было связано с возможностью доступа к материальным ресурсам, который определялся положением в партийно-государственной структуре и принадлежностью к привилегированным группам населения [3, с. 45].

В эпоху Л.И. Брежнева (конец 60-х – начало 80-х годов XX века) самым быстро растущим и наиболее материально обеспеченным слоем советского общества стала партийная номенклатура – «правлящий класс» СССР. Руководящие работники различных рангов получали высокую заработную плату, пользовались множеством социальных и культурных благ, в повседневной жизни большинства из них присутствовали элементы роскоши, которые не скрывались от общества, а выставлялись напоказ. Главную причину, которая привела партийную элиту к

ИСТОРИЯ

перерождению, обозначили Р.Г. Пихоя и А.К. Соколов: «Ситуация личной безопасности, которую номенклатура получила при Л.И. Брежневе в виде гарантий от преследований и репрессий, в значительной степени стала условием освобождения большей её части от моральных запретов. В закрытом для остального общества узком кругу «своих» господствовали иные нравственные законы» [9, с.55].

Достоинством общественности часто становились факты использования местными чиновниками возможностей служебного положения для дальнейшего улучшения собственного благосостояния. Это происходило именно через данный ресурс, а не на основе успешной трудовой деятельности, которая предписывалась идеологией всем советским гражданам для достижения материального благополучия. Так в среде руководящих работников формировались двойные стандарты морали, бытовой жизни, поведения. Одновременно происходило и самовоспроизводство номенклатуры: для сохранения льгот, её дети устраивались на соответствующие должности, что лишало рядовых граждан возможностей карьерного роста. Э.Б. Ершова отмечала: «Сословные привилегии для большинства чиновников были важнее, чем абстрактные коммунистические идеалы» [6, с. 60].

Вышеизложенное позволяет обозначить еще одну проблему 70-х – начала 80-х годов XX века – усиление привилегированной номенклатуры, существование которой разрушало идеологическую установку о всеобщем равенстве и единстве граждан в СССР. В обществе тех лет уже присутствовало четкое разделение на номенклатуру, чиновничество и основную массу – трудящееся население. Качество жизни советского народа было значительно ниже того, что имели приближенные к власти; присутствовал всевозможный дефицит продуктов, товаров широкого потребления, доступного медицинского обслуживания и пр. Все это абсолютно не соответствовало утверждениям партийно-государственного руководства о постоянном росте благосостояния советских граждан.

Так, на XXV съезде КПСС в феврале 1976 г. Л.И. Брежнев в докладе обозначил главную задачу партии на предстоящую X пятилетку – последовательный подъем уровня жизни трудящихся. А.Н. Косыгин, выступая с докладом об основных направлениях развития народного хозяйства на 1976–1980 гг., косвенно высказал мысль о том, что добиться этого не удастся в силу «сложного международного положения». Однако главная причина состояла не только в этом, сколько в значительных тратах советского государства на развитие военно-промышленного комплекса и усиливающуюся гонку вооружений в связи с противоборством с США [10, с. 83]. Соответственно, в это десятилетие в развитии советского общества присутствовало еще одно противоречие – возрастали расходы государства на оборону и сокращались затраты на социальное обеспечение граждан.

Все это способствовало росту в конце 70-х годов критических и негативных настроений в отношении политики партии, номенклатуры и советских чиновников, которые проявлялись через социальный протест.

В исторических исследованиях последних лет серьезное внимание уделяется изучению форм и видов протеста в советское время. Например, Р.А. Соловьев в статье «Формы социального протеста населения СССР в 1950–1980 гг.» определяет данное понятие следующим образом: «Протест – широкий круг явлений, направление социальной активности, проявление несогласия, инакомыслия, оппозиционной деятельности»; основа его – «недовольство условиями жизни, перспективами их изменения, характером взаимоотношений населения и органов власти» [11, с. 112-115].

В статье В.Ю. Титова «Протест в общественной жизни дальневосточников в 1920-1980-е годы» поддерживаются суждения Р.А. Соловьева и расширяется определение протеста через контекст исторической действительности: «Протестующие люди пытались доказать правоту собственных убеждений. В Советском Союзе было принято утверждать, что протест как акт взаимоотношений государства и общества в стране отсутствует» [12, с. 18-24]. Названные историки рассматривают как крупные, так и мелкие формы протеста в СССР. Например, Р.А. Соловьев исследует заметные проявления националистических настроений конца 1970-х гг., имевшие место в Казахской, Узбекской, Эстонской ССР [11, с. 161].

В свою очередь, В.Ю. Титов в статье «Персонифицированный фактор протеста в советской элите: доминирование и сопротивление (конец 1960-х гг.)» [13, с. 54-58] уделяет внимание

ИСТОРИЯ

диссидентскому движению, количество участников которого увеличилось в позднесоветское время. Наряду с этим, анализируя документы, связанные с деятельностью Комитета по защите прав человека с участием в ней академика А.Д. Сахарова, он приходит к выводу, что его работа абсолютно не затрагивала жизнь рядовых граждан, не способствовала решению социальных проблем. Она была ориентирована исключительно «на помощь «сионистам» (лицам, желающим выехать за рубеж), «диссидентам» (отбывающим срок в лагере или находящимся в психиатрическом диспансере), баптистам и прочим представителям религиозных сект» [13, с. 57].

По мнению В.Ю. Титова, именно отсутствие открытого общественного обсуждения политических и социальных вопросов, привело к тому, что «советский человек, боясь сказать что-то лишнее, был приучен обсуждать насущные проблемы через слухи, сплетни, кухонные разговоры, анекдоты о лидерах» [14, с. 118-123]. Вместе с крупными формами социального протеста – националистическими проявлениями в республиках СССР, Р.А. Соловьев рассматривает и более мелкие, которые он разделяет на две группы [11, с. 158-162]. Первая – активная, состоящая из митингов, демонстраций, пикетирования, неповиновения органам правопорядка. Вторая – пассивная, включающая надписи на избирательных бюллетенях, стенах, авторские и анонимные письма, разговоры, слухи и пр. Он отмечает, что более распространен был протест именно второй группы, через формы которого граждане пытались напрямую обратиться к власти, оценить эффективность её действий и пр. В конечном итоге, Р.А. Соловьев так же, как и В.Ю. Титов, приходит к выводу: для выражения недовольства в 70-х – начале 80-х годов советские граждане использовали наиболее доступные виды протеста – анекдоты, слухи о власти, распространение которых органы власти уже не могли запретить или привлечь кого-либо к ответственности.

Распространенной формой протеста были обращения граждан к власти через разнообразные письма. Именно в них, особенно в анонимных посланиях, трудящиеся критиковали недостатки окружающей действительности. В авторских письмах они раскрывали собственные представления об идеальной власти и дальнейшем желаемом развитии советского общества [31, с. 101–106]. Анализ документальных источников, в комплексе с изучением современной российской историографии, позволяет составить объективное представление о некоторых особенностях развития советского общества в середине 70-х–начале 80-х годов XX века.

Рассмотрение части современной российской историографии, касающейся позднесоветской эпохи, позволило выделить группу причин, способствовавших развитию государственного и общественного кризиса СССР, реализованного впоследствии через различные социальные процессы периода перестройки. Во-первых, серьезные изменения, происходившие в сознании советских людей. Установка на реализацию в обществе ценностей социализма через добровольный труд, опирающийся на искренний энтузиазм масс, к началу 70-х годов частично утрачивает популярность, что, в свою очередь, лишило всенародной поддержки государственную политику и господствовавшую идеологию. Советские люди стали ориентироваться на создание комфортной частной жизни, «оглядываться» на стандарты Запада, воспринятые благодаря приоткрытию «железного занавеса» через туризм и культуру.

Во-вторых, в период руководства страной Л.И. Брежневым произошло оформление номенклатуры как «правлящего» класса СССР. Разнообразные её привилегии шли вразрез с уровнем жизни большинства трудящихся, что стало чётко проявляться с середины 70-х годов XX века в связи с ростом расходов на оборону государства. Таким образом сформировалась и третья причина, повлиявшая в дальнейшем на развитие кризиса – отсутствие экономических возможностей для обеспечения достойной частной жизни всех советских людей. Однако центральное партийное руководство декларировало постоянный рост их благосостояния, что противоречило реальности. Это привело к формированию общественного недоверия к лидерам государства, негативным настроениям, выражавшимся в различных, в основном пассивных, формах протеста.

Из предложенного анализа современной историографии следует, что советское общество «развитого социализма» необходимо рассматривать с разных позиций. Оно не было исключительно кризисным: происходило развитие, формирование принципов, которые могли стать основополагающими для нового этапа развития политики, экономики, идеологии, если бы

ИСТОРИЯ

советское государство смогло преодолеть противоречия и симптомы кризиса, наметившиеся в 70–80-е годы XX века.

Литература и источники

1. На пороге кризиса: нарастание застойных явлений в партии и обществе/ Журавлев В.В., Гордон Л.Н., Клопов Э.В. [и др.]. - М.: Политиздат. 1990. - 447 с.
2. Шубин А.В. Золотая осень или Период застоя. СССР в 1975-1985 гг. - М.: Вече, 2008. - 347 с.
3. Шестаков В.А., Безбородов А., Елисеева В. Советский Союз к 1984 г. // Перестройка и крах СССР. 1985-1993: монография. - СПб.: Норма, 2010.
4. Соколов А.К., Маркевич А.М. Магнитка близ Садового кольца: стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот (1883–2001). - М.: РОССПЭН, 2005.
5. Никонова С.И. Кризис идеологии и советского общества в 1970–1980 гг. // Вестник Томского гос. ун-та. Серия «Гуманитарные науки. История и политология» 2008. вып. 5 (61). С. 374–382.
6. Ершова Э.Б. Незавершенные реформы государственного управления в СССР в 50^е–70^е гг. XX в. Учебное пособие. - М., 1997.
7. Доценко А.М. Повседневная жизнь советского города начала 50^х – первой половины 80^х гг. (на материалах Куйбышева и городов Куйбышевской области): автореф. дис...канд ист. наук. - Самара, 2007.
8. Аксютин Ю.В., Пыжиков А.В. Постсталинское общество: проблема лидерства и трансформации власти: монография. - М.: Научная книга. 1999. - 412 с.
9. Пихоя Р.Г., Соколов А.К. История современной России: кризис коммунистической власти в СССР и рождение новой России. Конец 1970-х–1991 гг. - М.: РОССПЭН, 2008.
10. Аксютин Ю.В. Восьмой советский премьер А.Н. Косыгин // Россия XXI. - 2000. - № 5.
11. Соловьев Р.А. Формы социального протеста населения СССР в 1950–1980 гг. // Исторические философские политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. - Тамбов: Грамота, 2012. № 9 (23) в 2-х ч. - Ч. 2. - С. 112–115.
12. Титов В.Ю. Протест в общественной жизни дальневосточников в 1920–1980-е годы // Россия и АТР. - 2004. - С. 18-24.
13. Титов В.Ю. Персонифицированный фактор протеста в советской элите: доминирование и сопротивление (конец 1960-х гг.) // Вестник Томского гос. пед. ун-ва. Вып. 1 (52). Серия: Гуманитарные науки (История). - 2006. - С.54-58.
14. Титов В.Ю. Персонификация облика политической элиты в советском общественном мнении: от сакрализации до отторжения // Вестник Томского гос. ун-ва. - 2004. - № 282. - С. 118-123.
31. Абракова Т.А. "Письма во власть" трудящихся 1966-1976 гг. О социальных вопросах развития Горьковского края // КЛИО. - 2010. - № 3. - С. 101-106.

References and Sources

1. Na poroge krizisa: narastanie zastojnyh yavlenij v partii i obshchestve/ ZHuravlev V.V., Gordon L.N., Klopov E.V. [i dr.]. - M.: Politizdat. 1990. - 447 s.
2. Shubin A.V. Zolotaya osen' ili Period zastoya. SSSR v 1975-1985 gg. - M.: Veche, 2008. - 347 s.
3. Shestakov V.A., Bezborodov A., Eliseeva V. Sovetskij Soyuz k 1984 g. // Perestrojka i kraj SSSR. 1985-1993: monografiya. - SPb.: Norma, 2010.
4. Sokolov A.K., Markevich A.M. Magnitka bliz Sadovogo kol'ca: stimuly k rabote na Moskovskom zavode «Serp i molot (1883–2001). - M.: ROSSPEN, 2005.
5. Nikonova S.I. Krizis ideologii i sovetского obshchestva v 1970–1980 gg. // Vestnik Tomskogo gos. un-ta. Seriya «Gumanitarnye nauki. Istoriya i politologiya» 2008. vyp. 5 (61). S. 374–382.
6. Ershova E.B. Nezavershyonnye reformy gosudarstvennogo upravleniya v SSSR v 50e–70e gg. XX v. Uchebnoe posobie. - M., 1997.
7. Docenko A.M. Povsednevnyaya zhizn' sovetского goroda nachala 50h – pervoj poloviny 80h gg. (na materialah Kujbysheva i gorodov Kujbyshevskoj oblasti): avtoref. dis...kand ist. nauk. - Samara, 2007.
8. Aksyutin Yu.V., Pyzhikov A.V. Poststalinskoe obshchestvo: problema liderstva i transformacii vlasti: monografiya. - M.: Nauchnaya kniga. 1999. - 412 s.
9. Pihoya R.G., Sokolov A.K. Istoriya sovremennoj Rossii: krizis kommunisticheskoy vlasti v SSSR i rozhdenie novoj Rossii. Konec 1970-h–1991 gg. - M.: ROSSPEN, 2008.
10. Aksyutin Yu.V. Vos'moj sovetский prem'er A.N. Kosygin // Rossiya XXI. - 2000. - № 5.
11. Solov'ev R.A. Formy social'nogo protesta naseleniya SSSR v 1950–1980 gg. // Istoricheskie filosofskie politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki. - Tambov: Gramota, 2012. № 9 (23) v 2-h ch. - CH. 2. - S. 112–115.
12. Titov V.Yu. Protest v obshchestvennoj zhizni dal'nevostochnikov v 1920–1980-e gody // Rossiya i ATR. - 2004. - S. 18-24.
13. Titov V.Yu. Personificirovannyj faktor protesta v sovetской elite: dominirovanie i soprotivlenie (konec 1960-h gg.) // Vestnik Tomskogo gos. ped. univ. Vyp. 1 (52). Seriya: Gumanitarnye nauki (Istoriya). - 2006. - S.54-58.
14. Titov V.Yu. Personifikacija oblika politicheskoy elity v sovetском obshchestvennom mnenii: ot sakralizacii do ottorzheniya // Vestnik Tomskogo gos. univ. - 2004. - № 282. - S. 118-123.
31. Abrakova T.A. "Pis'ma vo vlast'" trudyashchihsya 1966-1976 gg. O social'nyh voprosah razvitiya Gor'kovskogo kraja // KLIU. - 2010. - № 3. - S. 101-106.

АБРАКОВА ТАТЬЯНА АЛЕКСАНДРОВНА – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии, психологии Нижегородского государственного архитектурно-строительного университета (ННГАСУ).

ABRAKOVA, TATYANA A. – Ph.D. in History, Associate Professor, Department and of History, Philosophy, Pedagogy and Psychology, Nizhny Novgorod State University of Architecture and Civil Engineering (tatyana.abrakova@mail.ru)

УДК 930(470).089(=512.31)+(=512.212)

ДАМПИЛОН Р.В.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ БУРЯТСКО-ЭВЕНКИЙСКИХ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Ключевые слова: историография, взаимодействие, буряты, эвенки, этнокультурные контакты, межэтнические отношения.